

Виталий ОПЛАЧКО

Художник Френель

В далеком 1991 году окольными путями через Кипр я добрался до Земли Обетованной. Цфат поразил меня в самое сердце, и любовь к нему осталась навсегда. Старый город, окрашенный медовыми цветами заката, бесконечные лестницы и старинные дворики, бугенвиллии и гранатовые деревья, свисающие над стенами, где элегантно лиnearность надписей на иврите так чудно гармонирует с теплотой "иерусалимского" камня. Необъяснимый флер Каббалы и звуки бравурных песнопений из хасидских синагог, прекрасные лица женщин и детей — не удивительно, что так много художников выбрали этот город для жизни и творчества.

Я бродил по узким улочкам, из галереи в галерею, радуясь отсутствию туристских толп и своему одиночеству. Остановился у деревянной калитки, окрашенной в темно-синий цвет, над ней надпись: "Музей Френеля". Толкнул калитку, раздался звон колокольчика, и навстречу мне вышла пожилая дама.

Так я познакомился с госпожой Френель-Леви-Майер, последней женой Александра Френеля. Узнав, что я из Одессы, она рассказала мне, что ее муж уехал, а вернее, уплыл в 1919 году на пароходе "Руслан" вместе с той частью еврейской интеллигенции, которая положила начало Третьей Алии.

Меня провели в дом, где на стенах были развешаны огромные полотна. Сцены из Библии, портреты раввинов, написанные мощными мазками, странно деформированные фигуры клезмеров и полные чувственной эротичности обнаженные. Я был ошеломлен, ничего подобного я прежде не видел.

Мы обсудили с женой художника возможность выставки работ Френеля в Одессе... и расстались. К сожалению, эта идея не реализовалась. В бурные 90-е было не до выставок — надо было выживать. И вот спустя 20 лет я вновь возвращаюсь к Френелю.

Не всем выпадает счастье родиться в Одессе. Неудачникам помогают биографы. Во всех публикациях, посвященных Александру Френелю, местом его рождения называется Одесса. На самом деле замечательный художник Парижской школы, латинизировавший, как многие его собратья, свое имя, родился в городе Бердичев 28 июля (по старому стилю) 1899 года и был назван Исааком-Айзиком Гершевичем Фрейнкелем.

К сожалению (мне часто придется повторять это), мало что известно о его родителях. Отец Иось Герш занимался торговлей в разнос. Зато прадед А. Френеля — фигура не просто известная. Леви Ицхак бен Меир из Бердичева — один из наиболее знаменитых лидеров хасидизма. В кругах еврейского населения он заслужил всеобщую симпатию своими обаянием и простотой обращения. Его называли "Санегором шел Исраэль", заступник за еврейский народ.

Во время молитв он, обращаясь к Творцу на идиш, называл его der Bagemidker — милосердный. По преданию, это обращение стало фамилией потомков Леви Ицхака бен Меира, а его именем, Ицхак, нарекли первенца в семье Фрейнкель.

В Бердичеве каким-то чудом, несмотря на революции, войны и немецкую оккупацию, сохранился мавзолей, воздвигнутый над могилой праведника.

Естественно, что ребенок с таким прадедом получал традиционное религиозное воспитание. В 1910 году семья переезжает в Одессу и живет сначала в доме № 76 по улице Успенской, а затем — на Б. Арнаутской, в доме № 59. Оба дома сохранились и поныне. В октябре того же года Исаака зачисляют во Второе казенное начальное еврейское училище, где готовили конторщиков и бухгалтеров.

В своей книге "Пароход идет в Яффу и обратно", задуманной как антисемитский роман, одесский писатель Семен Гехт описывает жизнь в этом училище. Судя по тому, что он, как и Френель, закончил учебу в 1914 году, накануне войны, они вполне могли знать друг друга. В эпизоде визита французского скульптора Аронсона Гехт пишет о том, как Аронсон хвалил рисунки одного из его друзей. Возможно, это был Исаак Френель. Правда, учитель рисования Абрам Маркович Манилам не разделял мнение француза и в аттестате по окончании училища у Френеля среди прочих оценок стоит хилая четверка по рисованию. Но так было у многих будущих знаменитостей, чей талант не могли разглядеть посредственные педагоги.

Несмотря на религиозное воспитание и должность конторщика, страсть к живописи преодолела сопротивление семьи, и в декабре 1915 года отец Френеля подает про-



шение о принятии его сына учеником сразу во 2-й класс в Художественное училище Одесского общества изящных искусств. Его зачисляют вольнослушателем.

Меня очень занимает феномен практически одновременного прихода в изобразительное искусство десятков, если не сотен, молодых выходцев из еврейских местечек и городов Восточной Европы в начале XX века. Почему эти юноши, получившие религиозное воспитание, отбросили галахические запреты и нарушили 2-ю заповедь Завета (по важности даже впереди 4-й: "Не убий"): "Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли"? Разумеется, и прежде были евреи-художники из благочестивых ортодоксальных семей, например, Камилль Писарро или Исаак Левитан. Но такого массового "исхода" будущих гениев из штетлов Западной Украины и Белоруссии история искусства еще не знала.

Лазарь Воловик из Кременчуга, Исаак Добринский из Макарова, Иммануил Мане-Кац, Кременчуг, Михаил Кикоин, Речица (Гомельской губернии), Пинхус Кремень, Жалудок (Вильнюсской губернии), Абрам Минчин из Под Кривого, Иссахар бер Рыбак, Елисаветград, Марк Стерлинг из Прилуки, Хаим Сутин из Смилевичей, Марк Шагал (Моисей Сегал) с окраины Витебска, Хаим (Сэм) Грановский, Екатеринослав.

Исследователи творчества художников Первой Парижской школы по-разному объясняют этот феномен. Автор замечательного библиографического справочника "Художники-евреи Парижской школы 1905 — 1939" Надин Нешавер в интервью киевскому журналу "Антиквар" сказала: "Убегая от антисемитизма в своих странах, эти художники наши землю, которая их приняла и дала свободу творческих поисков... Без сомнения, они запустили беспрецедентное движение в еврейском мире: отвергая гнет традиций, они осознанно нарушили 2-ю из десяти заповедей, т. е. запрет на изображения человека". В своей очень увлекательной книжке "Еврейская лимита и парижская доброта" Борис Носик пишет о причинах ухода талантливой еврейской молодежи: "Теснота, убожество жизни, многодетность и наличие черты запрета (оседлости) не способствовали душевному здоровью местечкового населения". Все это верно, но почему именно в этот период произошел "исход"?

Через 20 — 30 лет с начала века, преодолев тяжкие лишения и не умерев от голода,

они станут явлением, которое назвали Ecole de Paris — Парижской школой. В списке художников этой школы значится более 500 еврейских имен, многие из них позднее попадут в другой список — пересельский: лагерь в Дранси, конвой № 001, 002, 003... концлагерь Аушвиц. Так штетл Париж стал для них воротами в ад.

В 1918 году из Киева в Одессу приезжает "амазонка авангарда" Александра Экстер (Григорович). Она преподает в Детской художественной школе, а позднее открывает студию на Екатерининской, 24, в помещении, которое она делит со "Свободной мастерской" А. Нуренберга и студией Ю. Бершадского. Вот в этой студии у Александры Экстер 19-летний Френель и продолжает свое обучение параллельно с занятиями в Художественном училище. Здесь, у Экстер, он приобретает и первый опыт театрального художника.

Во время гражданской войны, в "окаянные дни" Одесса стала прибежищем для сотен жителей Петербурга, Москвы и Киева. Издавалось множество газет и журналов, в них работали лучшие перья России. Театральная и художественная жизнь кипела. Я думаю, что больше никогда в истории нашего города градус культуры, хоть и несколько нервический, не достигал таких высот.

После 1918 года Френель учился не столько в училище, сколько в мастерских и на выставках других художников. В отличие от многих молодых евреев он не заразился идеями революции, не участвовал в судорожной деятельности различных однодневных комитетов и комиссий, создававшихся большевиками, пока город был в их руках. Мысль об отъезде в Палестину укрепилась после очередного погрома в Елисаветграде. Его друг и сокурсник по училищу Иосиф Константиновский потерял в этом погроме отца и брата. Они погибли от рук окрестных крестьян из банды Зеленого. Позднее Жозеф Констан (так он стал зваться во Франции), он же — писатель Мишель Матвеев, в своей книге "Загнанные" так описал эпизод, увиденный им в Одессе: "Покойным ровным шагом, гигантское знамя впереди, со стороны вокзала приближается конный отряд. Хоть я и привык к таким поездкам, но этот производит на меня сильное впечатление. Я останавливаюсь, обескураженный надписью черными буквами по красному знамени "Да здравствует революция! Смерть жидам!".

Подобные "сильные впечатления" оставляли мало надежд на будущее, и Френель вме-

сте с Иосифом и его женой Идой, тоже художником, воспользовались первой возможностью покинуть Россию, гибнущую в кровавой междоусобице. Впервые после мировой войны пароход "Руслан" со всем "одесским галутом", как назвал эмигрантов Яков Перемен, снялся к берегам Палестины, а еще через месяц их ждали на берегу с ханукальными свечами под дождем жители Яффы.

Переезд в Палестину, как всякая эмиграция, создал массу чисто бытовых проблем, но особенно угнетающей была культурная пустота новой страны. Вместе с другими художниками-эмигрантами из России он создает кооператив "Ха Томер" в городе Яффа. Его работы того времени — эксперименты в абстракционизме — были совершенно чужды немногочисленным ценителям, привыкшим к "ориенталистской" живописи местных художников. В 1920 году без особого успеха прошла и первая на земле Палестины художественная выставка, организованная Френелем и его друзьями. Работа в студии, которую он открыл при гимназии в Герцлии для обучения старшеклассников рисунку и скульптуре, встретила сопротивление ортодоксальных евреев.

В том же году он вслед за И. Константиновским уезжает в Париж. Здесь он знакомится с группой евреев-художников, выходцев из России, обитавших в знаменитом "Улье" (La Rush). Работы Шагала, Мане-Каца, Рыбака, которые привнесли еврейскую традицию, иудаизм в экспрессионизм парижской школы, оказали заметное влияние на его живопись, особенно — более позднего периода. Сама атмосфера межвоенного Парижа, встречи в облюбованных кафе Монпарнаса "Дом", "Куполь" с коллегами создавали необычайную питательную среду для творчества. Столица Франции становится городом, где "потерянное поколение" поэтов, писателей и художников (многие из них — прямо из окопов первой мировой) создают новую литературу и живопись.

Молодой художник поступает в знаменитую Школу изящных искусств, старейшее заведение Европы, основанное еще кардиналом Мазарином, и одновременно занимается в студиях скульптора Эмиля Бурделя и одного из основателей фовизма — художника Анри Матисса. Обе студии принадлежали Академии Гран Шомьер. Этот "Большой дом под соломенной крышей" благодаря своим либеральным правилам был необычайно популярен среди творческой молодежи, в том числе и среди выходцев из России.

В этот первый период жизни во Франции Френель участвует в нескольких выставках. Его работы отмечают известные рецензенты. В 1924 году на выставке в "Салоне независимых" две его картины покупает весьма к тому времени известный голландский художник Пит Мондриан.

В 1925 году он возвращается в Палестину, где его авангардное искусство в купе с опытом Парижа привлекает молодых художников, будущих знаменитостей Израильского государства. Открывается студия в Тель-Авиве. В его работах увлечение абстракционизмом уступает место яркой экспрессивной живописи, где цвет главенствует над рисунком, а в сюжетах появляются образы из детства в Бердичеве.

В 1934-м, после очередного пребывания в Париже, Френель поселяется в Цфате, в доме XII века, который позже станет музеем и хранилищем его работ. Череда выставок в Палестине и за рубежом делает его одним из выдающихся представителей Парижской школы. Поэтому именно он стал автором работ, посвященных важнейшим событиям в жизни молодого государства — Израиля. Первое заседание Кнессета в 1948 году, портреты членов Кабинета и руководителей ЦАХАЛа запечатлены в его картинах и графике. В Цфат приезжают и селятся художники-эмигранты послевоенной волны. Так возникает Колония художников.

В 1950 году он представляет Израиль на I и II Биеннале в Венеции. В 1952 году Френель снова едет в Париж, где кроме участия в групповых и персональных выставках в самых известных галереях мира он демонстрирует новую грань своего таланта: по заказу баронессы Алекс Ротшильд создает серию витражей. С этих пор он постоянно живет в Париже, иногда выезжая в свой любимый Цфат. В 1979 году открывается юбилейная выставка, посвященная 80-летию художника, в знаменитой галерее Оранжеви (Orangerie).

В 1981 году Френель умер и был похоронен в Цфате.

Мне бы очень хотелось написать о нем, как о человеке: о его женах, детях, друзьях. К сожалению, кроме сухих формальных биографий с перечислением выставок и наград, больше мне найти пока не удалось ни в статьях в Интернете, ни от дочерей Ариэль и Ляуры, с которыми я встречался в Израиле. Надеюсь скоро получить из США книгу, написанную Барцелам Аммоном и изданную еще при жизни Френеля, в 1974 году. Может быть, тогда мое "исследование непрофессионала" будет завершено.